

Градский у каждого свой. У меня такой.

О СВОЕМ, О ГРАДСКОМ

*«Я московский парнишка,
Очкастый и грубый.
Мое сердце большое, как у вола,
Перекачивает по кровенапорным трубам
Мои думы, стремления и дела...»* - так у него в одном из ранних стихотворений.

Это правда. Про сердце.

В нем, в этом сердце, помещается много крови и чувств, - ярости и нежности, любви и ненависти, доброты и злости, гордыни и гордости, амбиций и дерзости, понимания, страдания и сострадания. Сквозь него прокачаны мегалитры страстей, часы и годы музыки и слов, «дум, стремлений и дел». И очень, очень много людей, встреч, судеб, чужой боли, историй и откровений за рюмкой и чашкой, и ненужной ему порой чужой болтовни. Это сердце умеет слушать. Это в наше время неконвертируемая ценность.

«Что это вы так располнели?» - «Нет, это просто мое тело туго обтягивает мою душу!...» (из своего, уж извините. - А.К.).

Набрав вес, АБГ все больше соответствует своему внутреннему объему притязаний, талантов и достижений, грехов, мусора жизни, ошибок, переживаний. Объему всего. Его много. И ему много дано. Как в математике: «Дано.... Требуется доказать...». Доказал.

От постоянных и непомерных атлетических нагрузок, - кардиологи знают, - утолщаются стенки сердечной мышцы, съедая внутренний объем. И сердцу приходится сокращаться еще сильнее, чтобы прокачивать достаточно крови, а от этого стенки сердца еще больше утолщаются.

Замкнутый круг.

Отпустить, сдать это большое Сашино сердце не может. Меньших задач оно ставить не умеет, малых объемов не хочет. Сердце начинает останавливать атлета, возникает одышка. Мы не о медицине, конечно. Природа насильно пытается усадить его на старческий стульчак в позу роденовского мыслителя, а он не сдается, она пытается уложить атлета на диван, - хватит делать дела, бегать стометровки и марафоны, тягать штангу, прыгать в высоту, в ширину и в глубину, бороться на ковре и под ковром, мериться крутостью, - это уже было. Все, зачет, хватит!!! Кубков и медалей от жизни - целая куча. Генуг. Надо обмозговать, прочувствовать сердцем, к чему все это было. Что дальше. Что за собой оставишь. Не сколько, а что.

Один из его любимых фильмов - «Меланхолия» Ларса фон Триера. Хотя слово «любимый» с этим ирреальным леденящим душу зрелищем плохо соотносится. Вселенский ужас перед небытием. Физическим и метафизическим. Полным, тотальным и окончательным. Ведь в конце концов ничего не останется, ни Моцарта, ни Лувра, ни египетских пирамид. Ни стариков, ни детей, ни библиотек, ни помоек, ни стадионов, ни скитов, ни кенгуру, ни тараканов. Ни Градского. Сколько ни рожай маленьких Градских. Пыль и холод космоса. Ничто и Никогда. Навсегда. И никогда и нигде не будет второго тебя.

От этого спасает только Вера. И Надежда. Да, и Любовь, но любовь не земная, - земная спасет только на время. И пока они не займут место в сердце человека, бездонно глубоко и бесповоротно, вопреки железобетонным доводам разума, сернокислотному скепсису, километровым формулам и бытовым аргументам, нет человеку покоя. Пока небесный свет не высветит, не выжжет там всю тьму.

Он думает, это наркотик, это путь слабых. Имеет право. Но не имеет Покоя. Да и кто из нас, смертных, его имеет?

Во что он Верит и на что Надеется - Ответ знает только он сам. Траектория пути к этому Ответу - в его стихах, в его песнях, в его музыке без слов. В них и от них его Думы, Стремления и Дела.

Он уже видит горизонт бытия, представляет масштаб. И всегда видел. И свой, и чужой.

Кому много дано, с того много спросится. ТАМ спросят - ему есть что ответить. И, наверное, как всегда уверен, что знает ответ даже лучше, чем Спрашивающий.

А пока огромное бычье поющее и пульсирующее сердце многожильного Градского яростно перекачивает его кровь по замкнутому кругу, жизнь его - незамкнутый круг, который не замкнется никогда. Никогда, пока он жив. А круг только тогда незамкнутый, когда это спираль. Восходящая спираль.

И все, хватит пафоса. Он его в жизни терпеть не может, хотя часто использует как художественный прием.

Если Градский-редактор успеет тут обрубить, тут и будет конец. И слава Богу.

Ну, а если нет...

«And now for something completely different...»
(из *Monty Pythons*).

Был такой анекдот в советское время.

Один король захотел иметь свой портрет. И пригласил к себе художника. А надо сказать, король был кривой на левый глаз, с короткой левой ногой и криворуким на левую руку. И вот художник написал его портрет и принес. Король был изображен стоящим на двух здоровых ногах, с обеими здоровыми руками, и зрячий на оба глаза. «Красиво!» – сказал король. «Но не похоже!» И велел казнить художника. Так умер романтизм.

И король позвал другого художника. Тот нарисовал короля анфас в полный рост как есть, без левого глаза, с короткой левой ногой и усохшей левой рукой. «Похуже! Но некрасиво!» – сказал король и велел казнить этого художника. Так умер реализм.

И король позвал третьего художника. Тот нарисовал портрет короля по поясу в профиль с правой стороны. Королю понравился портрет и он щедро наградил художника. Так родился социалистический реализм.

Я попробую что-то еще набросать в духе реализма. Но не социалистического, а капиталистического. Не потому, что за такую тяжелую, вредную и неблагодарную работу, как живописание Градского, надо платить большие деньги. А потому, что это не должно и не сможет помешать королю отечественного рок-н-ролла существовать в рамках нашего соответствующего экономического строя и сопутствующих ему форм шоу-бизнеса, масс-медиа, а также, не побоюсь этого слова, культуры. И отдыха.

И даже, если повезет, этому способствовало бы.

Это всего лишь беглые эскизы отдельных фрагментов фигуры изображаемого субъекта. Как делали великие мастера живописи перед тем как создавать целое большое полотно. Я не тяну ни на великого портретиста, ни на полотно, поэтому остановлюсь на этом этапе набросков - частей туловища, головы, конечностей и некоторых внутренних органов нашего дорогого натурщика. И пусть уж искусствоведы и анатомы будущего сами соединят эти фрагменты и элементы исполинской фигуры в единый портрет.

Сложно писать об Александре Градском, зная заранее, что он это прочтет. И не выделяя в небе фигуры высшего подхалимажа.

Мемориальные речи вообще всегда честнее и взвешеннее. Сквозь призму времени и пространства, через толщу гранитной плиты или слой земли не видны второстепенные и случайные бытовые детали. Но к счастью еще не вечер. И дай Бог здоровья и долголетия Александру Борисовичу. Потому и речь наша, к счастью, не запоздало-правдиво-некро-ложная, а жизненно-своевременная. И пока мы можем эти судьбоносные, но необъективные, несовершенные и глубоко ошибочные заметки слегка окропить живой водой повседневного и мимолетного.

О чем-то умолчу. Не о пикантных подробностях «не для всех». А о каких-то незримых связях, очень личных ощущениях, дорогих и личных моментах. Потому что не хочется лишать наши товарищески-приятельские отношения (на полновесную дружбу с ним, видно, мало кто тянет, - «Я о друге мечтал таком...» - это он о Высоцком), - не хочется лишать их некой недосказанности. Будучи произнесенными вслух, какие-то слова становятся пошлостью, обесцениваются, обрастают, как золотые монеты в сказке, в глиняные черепки.

* * *

Метафорически-метеорологическое, геологически-астрономическое.

Градский - это стихия. Здоровенный метеорит размером с планету, грохнувшийся на Землю из космоса. Комета, глыба из льда, грязи, титана, железа и золота. Астероид. Слиток из всей таблицы Менделеева. Шматок природы как она есть.

Градский - это территория для сталкера, иначе там не пройдешь. Ландшафт местности, топография личности - это и бескрайние просторы полей, и заросли джунглей с райскими птицами, крокодилами и пираньями, болота и душистые луга разных цветов, и сияющие

ледяные вершины, и скальные лабиринты с темными пещерами, ущелья с камнепадами, под которыми может погибнуть ненароком забредший неподготовленный путник. «Ты чего тут забыл, мужик! Эй, говори сразу, зачем пришел, че тебе тут надо?» Он любит без экивоков, чтоб прямо и сразу.

И очень большой в этом ландшафте перепад высот, возвышенностей и низменностей, земного и небесного.

И там, на этой территории, у этой стихии есть погода, и есть климат. Погода проходит, климат остается. Погода разная: ласковый ветерок и ночная прохлада, то моросит, то подсушит, то заиндевет, то оттаит, то тучки набегут, то солнышко выглянет. Климат же планеты Градского – стабильно резко континентальный. Контрастный, крутой, Уральско-Сибирский. Копейский, видать, откуда он родом. Гарантировано – лесные пожары, пыльные бури, внезапная пурга и снежные заносы, бешеные ураганы и наводнения. Стихийные бедствия. Бывают землетрясения. Иногда жертвам бывает компенсация. Иногда исход для них летальный. В переносном смысле, конечно, если перенесут.

Хотя в последнее время и у нас в городе, и у него на планете, климат меняется – и зимы помягче, и лето прохладнее. С годами на этом астероиде и в окружающей его атмосфере стало покомфортнее, природу чуток усмирили, климат-контроль работает. Отдыхает природа.

Отдыхает, в том числе и на детях. Нет, дети талантливые, красивые, гены внедрены куда надо. Но вот не соответствуют их таланты стратегическим планам родителя. Не хотят унаследовать дело отца, подхватить его знамя (или бремя?), заняться его Театром, в который столько вложено, размахнуться на уже завоеванной для них территории. У них свое. И это для него испытание, дума тяжкая. Кручина богатырская. Кому все оставить?

Ладно, не сложилось с этими, родим еще пару новых. И в этом тоже весь Градский. Но пожить до результата, конечно, придется еще лет 15-20 как минимум.

* * *

Одиноид.

Он все делает САМ. Как говорится, без ансамбля. Предельно. Даже когда это делают по его заданию, в его проектах и для него другие люди, много людей, - сквозь них просвечивает, выпирает, выпячивается, в них вибрирует, звучит, кричит и матерится Саша, А.Б.Г. Контроль со стороны маэстро, мастера и хозяина, ОТК АБГ – тотальный. Потому что он ЗНАЕТ, КАК ЛУЧШЕ – во всем. Не обязательно может сделать сам, НО ЗНАЕТ КАК. Если не знает, то разберется. Ну, как сочинить мелодию, аранжировать, записать и отмастерить ее (и отмастерить мешающих), сбалансировать звук и подобрать частоты, и пр. – это понятно. Но и какую плитку и как класть (в своем театре в одном из сан-гигиенических заведений сам-таки уложил), где взять бронзовые ножки в виде львиных лап для ванны, как ошкурить и какой морилкой заморить антикварный комод, как выиграть многолетнюю тяжбу в суде, как проложить трубы вокруг его театра, как нам обустроить Россию и где в ней развивать дорожную макро-мега-инфраструктуру, как правильно жарить картошку, выбирать арбуз или депутатов (что иногда одно и то же), и как надо было выдвигаться самому в президенты (жаль только выдвигаться из дому стало сложновато). Как должен звучать гимн страны и какие слова должны в нем быть – не на бумаге, а наяву жахнуть аж с двумя хорами и тремя оркестрами. Как охомутать девушку. И не одну. Как играть в футбол. И как редактировать вот этот самый долбанный текст о нем самом. И правильно. Потому что иначе испортят, испохабят и сделают туфту, лажу и вранье. Поэтому - «сделай сам».

* * *

«Только я да я, да только мы со мной...»

По двое в одном. Творец и продавец (этого творца). Артист и судья (этого артиста). Хозяин и исполнитель (поручений этого хозяина). Заказчик и подрядчик (причем, всехподрядчик). Идеальный баланс. Художник звуков и продюсер отзвуков. Музыкант и сам себе импрессиарио. Пушкинский «Разговор Книгопродавца с Поэтом», - этот диалог с самим собой происходит внутри него. И разговор у них короткий. Деловой. Иначе мы бы многого не дождались. А наделано много. Ну, это вы сами изучите, в Википедии.

Хотя его Тетра имени себя, «Градский Холла», мы ждали 25 лет. Он не ждал, делал.

Разговаривать приходилось не только с собой, но и с другими. 25 Градских построили бы за год.

* * *

Размер имеет значение.

Саша – большой. Сейчас родился Саша маленький, но мы не о том. Градский размахистый, веский, весомый. Все у него крупными мазками, с большим замахом. Если замыслил что-то – это круто. Это очень, очень, очень круто. Убрать всех на фиг к такой-то матери. Чтобы не то что нервно курили в сторонке, а поперхнулись своим куревом до кишок, и за дымовой завесой их не было видно в радиусе 100 километров. Победитель. Причем часто в жюри сидит сам же, один. Без ансамбля. А больше оценить-то иногда и некому. Как сказал великий Феллини великому Антониони, - мы с тобой все строим самолеты, а уже не осталось аэродромов, на которые их можно сажать.

* * *

Наградский.

Перед властью он никогда не заискивал и не заискивает. Если костерит, то умно и по делу. Если похвалит, то так же. На стене на кухне 2 (3?) фото рядом – Ельцин вручает награду, (Медведев?) Путин вручает награду. Доживет до следующего – и следующий вручит. Президенты, хоть и не часто, меняются, Градский остается. Почему-то ощущение, что они и сами были бы не прочь получить какую-нибудь награду от Градского. По крайней мере в виде его одобрения. Многие бы хотели. Даже те, кто его не понимает и не принимает. А при встрече заискивают.

* * *

Саша, голос!

Градский в жюри «Голоса» – это, конечно, нечто. Много было у АБГ звездных часов за всю его долгую жизнь. Шоу «Голос» – это один из них. Быть настолько на своем месте, в нужное время – и для программы, и для него самого, – вошел как шар в лузу. Пронзительное попадание во время, в жанр, в нерв, в народ. Без него там что-то уже не то. «Золотой состав жюри» – это только с ним. Но он туда вряд ли вернется. Опять надо будет побеждать, в 5-й раз – ну сколько же можно. Да и трудновато это стало и выматывающе, и с этими непонятными мульти-медиа голосованиями иногда какая-то то ли правда, то ли хрень, а ему нужна абсолютная ясность и честность.

Хотя могут сделать ему предложение, от которого нельзя будет отказаться. (Я же говорил, капиталистический реализм.)

* * *

Ласковый и нежный зверь.

Александр Борисович уклоняется от признания существования в его сердце нежности, лиризма. Прикрывает цинизмом, матерком и прагматичными рассуждениями. А они, эти нежные сентименты, есть в его рокерской бунтарской натуре, и вопреки всему пронизывают его мелодии, арии, стихи. И в общении их тоже нужно уметь уловить и считывать. Но не каждому они предназначены.

Как же прекрасны были его слезы в «Голосе». Он их как бы стесняется, девальвирует задним числом, «не признает за своих», маскирует матюгами, говорит, что подыграл, специально напустил. Тогда это «Оскар». Но мы-то видели, как это было, знаем правду, и прослезились тогда вместе с ним, нас так же трогали в этот момент эти песни, эти голоса, эти души, эта заоблачная красота, эта чистота, эта боль. До мурашек. Тысячи людей, не знавших и не понимавших его раньше, в этот момент поняли Градского. Приняли. И полюбили. И уже окончательно и безвозвратно. Теперича даже бабульки и тетки, сроду не нюхавшие рок-н-ролла, подсели на Градского, к нему «в концерты ходють».

Ну, уж конечно не за одни слезы полюбили, но и за смех, за его юмор. Но это отдельный разговор. Посмеяться, да что там, поржать с Градским – особое удовольствие. Почитать ему смешное, рассказать прикол, анекдот. Попридумывать какой-нибудь бред, постебаться, весело поглумиться «с особым цинизмом» над каким-нибудь идиотизмом, – это к нему. Шутку принять любой тонкости или «в лоб» – пожалуйста. Реакции мгновенные, непосредственные и искренние.

И вообще, клевый он парень 70-ти лет. А возраста же нет, братцы. С ним особенно это чувствуешь.

* * *

Спасибо, что живой.

Очень живой он, Градский, и не взирающий на лица. Для него не имеет значения – перед ним человек в смокинге или комбинезоне, или в семейных трусах, со званием народного или с улицы, из филармонии или подземного перехода. Если человек говорит живо, интересно, искренне, делает что-то хорошо – поет ли, лечит зуб или штробит дырку в стене – он ему

интересен, уважуха. Если говорит чушь и делает дерьмово – приговор безжалостный и приводится в исполнение немедленно и наотмашь.

А оказавшемуся на грани жизни и смерти скромному трудяге, человеку, который ему дорог давно и глубоко, организует скорую подмогу, договорится с врачами, будет переживать за чужую жизнь, болеть сердцем. Но таких ближних не много.

* * *

Двояко-выпуклый или однако-впуклый.

У Александра Борисовича Градского много полярных качеств и состояний.

Например. Сочетание простоты и сложности. Простой, как кому-то кажется, свой в доску, чувак «типа из народа», «давайте с вами выпьем/сфотографируемся», отпетый (еще не допетый) рокер, и – сложный как компьютер, с молниеносными, непредсказуемыми и точными замечаниями, умозаключениями, ошеломляюще четкими выводами и комментариями. Или расчетливыми, обдуманно давно, вызревшими в глубоких недрах суждениями и идеями, но оформленными в живые слова сиюминутно.

То же с прямоотой и извилистостью. Может рубануть сплеча, резануть правду-матку, а может и округло-дипломатично завернуть сложносочиненное предложение, чтобы не обидеть. Или, рождая мысль на ходу, озвучивать этот интересный нейрофизиологический процесс мышления в реальном времени. Или расфокусировать резкость ответа, дабы не отобразиться не должным образом в медийном пространстве – теперь ведь все приходится взвешивать и «за базар отвечать». Да, может быть, в последнее время он стал мягче, мудрее, говорит не то чтобы осторожнее, но взвешеннее. Все сейчас уходит в Интернет и повисает там навечно, и за сказанные где-то неосмотрительно слова даже спустя долгое время может «прилететь возвратка», – ибо, по Гоголю: «Россия такая чудная земля, что если скажешь об одном коллежском асессоре, то все коллежские асессоры, от Риги до Камчатки, непременно примут на свой счет». Поэтому органичные для него анархически-протестные состояния и настроения слегка смикшированы, внешне подретушированы и упакованы в облатку «Градский. Облегченная версия», сообразно статусу прилично-публичной персоны. Хотя начинка все равно просматривается, а имеющий уши да услышит. Выбросы протуберанцев попридержаны до времени.

Грубый и тонкий. Терпеть не может гнилую интеллигентщину и всяческое вранье. Ложно-щепетильных, фальшиво-честных, лживых, мимикрирующих, елейно-вежливых, льстивых, с двойным доньшком, условностями, книксенами и псевдо-культурностями. А вот по-настоящему нежных, тонких и ранимых чует нутром, хотя и может обидеть, наступить всей авторитетной матерной массой на мозоль, но ненароком или сгоряча, и потом найдет слово-другое и загладит, приголубит, слегка неуклюже, но искренне и по-доброму.

Такой вот. Хамоватый и деликатный. Наивный и расчетливый (а то и «хитрож**ый», без этого в нашем капиталистическом реализме нереально). Прямолинейный и околично-витиеватый. Смелый и осторожный. Книгочей и невежда. Классика и рок-н-ролл – обычно таких 2 отделения в концерте. Гениальный и... Умный и... М-да, тут без «и». Разный он очень, двоякий. Но не двуличный. Вот еще слово - дувхвалентный.

Он и сам все это прекрасно чувствует и понимает. И может быть, вся эта двойственность, диалектическая борьба противоположностей, заложена у него в крови:

*“Русского и еврейского
Мне намешали в одном флаконе.
Грешного и библейского.
Синего с красным на белом фоне.*

*Вечного и скоротечного.
Сумрачного и веселого.
В чем-то всегда беспечного.
В чем-то потерянно квёлого.*

*Пьющего и непьющего.
Доброго и жестокого.
В мягкий диван расплющенного.*

Подслеповатоокого...”

“...Красная пятиконечная...

Синяя шестиугольная...

Горькой судьбой повенчанные.

Нитью – в ушко игольное.”

Дуализм этот очень плодотворен для творчества, для богатства внутренней духовной жизни, даже в чем-то удобен для жизни практической. Для общения же с ним извне – эти противоположные полюса непостижимы для исследователей, трудны и неподвластны покорителям.

* * *

Огромное его дело – Театр. Четверть века он шел к этому. Как же это нужно было нам, зрителям, изнывающим от безудержной попсы, от карусели и хоровода одних и тех же лиц, от их взаимоиндукции, самовозбуждения, бесконечного эротического трения друг о друга в тусовке с образованием статического электричества, от которого к ним прилипают нарезанные бумажки, купюры разного номинала. И ладно, отлично, среди них есть трудяги и таланты. Но в этой круговой поруке словно очерченный мелом круг – в который не пробиться. И вот – надежда, новые имена, свежие лица, нездешние голоса, неиспорченные ребята и девочки из «Голоса». Многие конечно, новы и свежи относительно – кое-кто годами на сцене. Но больше молодых да ранних.

И для них идеальным местом стал Градский Холл. Там прекрасный репертуар, джеммы, партнерства, новые дуэты, музыкальные кроссоверы, эксперименты. И всему этому Градский дал дорогу, создал особый оазис музыкальной жизни в таком редком формате.

Все это конечно для них временно. Стежка-дорожка одна, правила игры неизменны. Но есть надежда, что с ними это произойдет позже, и не так разочаровывающе быстро и неизбежно, не с каждым. А пока – низкий поклон и высокие слова, коллективное наше спасибо Александру Борисовичу Градскому за прекрасные программы и вечера в Театре.

* * *

Знаю людей, которые его совершенно не воспринимают, очень мягко говоря. Знаю и тех, кто на дух не переносит этих не переносящих. Он сам, например. Знаю и не переваривающих и тех и других не переносящих. И ведь и те, и другие, и третьи – при этом часто замечательные, хорошие, талантливые, неповторимые – просто с какого бока посмотреть. Мы все хотим выглядеть как румяные яблоки, а на самом деле побитые, с гнильцой, повернутые нужным боком на витрине у сметливого продавца. Жаль, что так много в мире нелюбви, зашоренности, зависти, гордыни, заливающей глаза как щелочь, разъедающей как мыло в бане.

Градский не маскируется, он яркий пример, вызов, – смотрите, вот он я! Какой есть. Не нравится – не ешь. До свидания. И так обидно бывает за него, хочется сказать: нет, вы его совсем не знаете. Не до свидания, а здравствуйте!

Да, он такой. Да ведь и вы сами такие же. Все это в нас есть. Ну, не все, а кое-что. Хорошее и разное. Просто у нас амплитуда поменьше, разбег потише, замес пожиже.

* * *

В его недавней книге «Стихи» – весь он. Лишенные музыкальной поддержки, слова оказываются беззащитными, обнаженными, месэдж доносится суше, резче, отчетливей и безжалостней. Прочтите их. Любые попытки рассуждать отвлеченно вне его конкретного творчества о его личности и душевной организации – будут картонными, глянцевыми, лживыми, пошлыми. В его стихах – пусть местами несовершенных и непричесанных, с поэтическими заусенцами и спотыками, с малоупотребимыми в литературной речи выражениями, – там все поиски его мятущейся души, кардиограммы и судороги сердечной мышцы, сладость и горечь, разочарования и надежды, внутренняя мощь, габаритные огни и рваные раны рифм.

Книга одета в глубокое черное, его любимый цвет. На обложке его портрет, в глубоком черном раздумье о бездонном космосе, из которого он пришел. Так хотелось бы посмотреть на белого Градского. Не в белом смокинге, это бывало. Светлого, легкого. Осиянного нездешним белым светом. Но это, наверное, невозможно, это был бы не он. Да и белое полнит.

* * *

Его еще оценят по-настоящему, - как всегда, в будущем. Будут издавать, нудеть и завывать в ток-шоу, вспоминать, врать и гордиться дружбой с ним, копаться в нижнем белье, мучить мемуарами друзей и детей. Потом постепенно углубляться, слушать, вдумываться, изучать творческое наследие. Примеряться, где поставить его на полку под названием «Неформат», рядом с кем. Или на отдельную полку под названием «Градский». Все это будет позже, когда-нибудь.

Шелуха осыпется, короста отпадет, и все мы предстанем когда-нибудь в Вечности просветленными, сияющими и 33-летними. И он тоже. Тогда его личное не будет заслонять его Вечное.

А пока он посылает всех куда подальше, и в гробу он сам всех видал.

И его самого лично мне тоже хочется послать на другие три буквы. Б-О-Г.

Ответ его предвижу.

Впрочем, последнее дело - лезть в чужой алфавит со своими буквами. И их количеством. Так что хочется - перехочется.

* * *

Все равно он большущий, значительный, значимый для нашего времени. Будет ли назван великим? Если не он, то кто за него, опять Пушкин, что ли? (Шутка). Ему наверняка хотелось бы, ведь эту высоченную постройку, дерзкий самострой под носом у законопослушных заурядностей, «self-made-mad-man» Градский и созидает всю жизнь. Каким будет ее название? Это будет знать только поколение, следующее за татуированным. Жалко только, что для того, чтобы в России окончательно стать великим, надо помереть. Будь пока поменьше великим, побольше живым, не спеши в бессмертие. Без тебя не начнут. Живи подольше, дорогой Александр Борисович! «You did it your way!»

Ну, вот теперь и стал понятен жанр, единственный, в котором о таком важном и личном для человека только и можно говорить в России - тост.

Так что за ваше здоровье, наше и его!

* * *